

На правах рукописи

Галимова Дарья Николаевна

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА
РУССКИХ ГОВОРОВ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ
(структурный и функциональный аспекты)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск – 2010

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор
Резанова Зоя Ивановна

Официальные оппоненты:
доктор филологических наук,
профессор
Араева Людмила Алексеевна

кандидат филологических наук
Коберник Любовь Николаевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Саратовский государственный университет»

Защита состоится 17 марта 2010 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Томском государственном университете (634050, г. Томск, пр. Ленина, 36).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан ____ февраля 2010 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук,
профессор

Л.А. Захарова

Диссертация посвящена изучению метафорического моделирования действительности в диалектном дискурсе.

Актуальность настоящего исследования обусловливается ситуацией, сложившейся в отечественной и зарубежной лингвистике. В конце XX - начале XXI вв. в гуманитарных науках значительное внимание уделяется процессам категоризации и концептуализации мира и таким когнитивным феноменам, как восприятие, память, мышление. В частности, проблема представления знаний решается в рамках когнитивной лингвистики (Р. Джекендофф, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Э. Маккормак, Ч. Филлмор, У. Чейф А.Н. Баранов, В.З. Демьянков, Д.О. Добровольский, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, Е.С. Кубрякова, Е.В. Рахилина, А.П. Чудинов и др.). Представители этого направления рассматривают язык как когнитивный механизм, позволяющий раскрыть особенности категоризации и концептуализации действительности.

В качестве одной из базовых форм концептуализации действительности выделяется метафора. Сложившаяся в рамках когнитивной лингвистики теория концептуальной метафоры, авторами которой являются Дж. Лакофф и М. Джонсон, трактует метафору как средство познания мира, способ отображения полученных знаний и объяснения действительности, как когнитивную операцию над знаниями, позволяющую осмыслить одну понятийную область в терминах структур, относящихся к другой понятийной области. При этом перенос осуществляется между концептуальными структурами (схемами, фреймами, сценариями). Таким образом, метафору изучают в качестве способа мышления и повседневной реальности языка (Лакофф, Джонсон, 1990).

«Когнитивный подход к изучению метафорических номинаций предполагает исследование их миромоделирующего потенциала, выявление специфических образных моделей мира, выраженных языковыми средствами» (Резанова, Иваницкая, 2003, с. 92). В данном исследовании когнитивный подход к метафорическим единицам принят в качестве основного, *метафора* рассматривается как лингвокогнитивный феномен, один из основных способов миромоделирования, воплощенный в языковых структурах, характеризующихся семантической двуплановостью. При этом метафора, как и во многих работах, выполненных в русле когнитивной лингвистики, понимается предельно широко: под это понятие подводятся не только метафоры в узком смысле этого термина, но и образные сравнения, метонимии, учитываются не только лексические метафоры, но и фразеологизмы, составные наименования (напр.: *кукушкины слезки*, *бабий язык* – названия растений); рассматриваются слова различных частей речи, лексико-грамматических разрядов и семантических объединений. Мы разделяем мнение Н.Д. Арутюновой о том, что, метафорой в широком смысле «может быть назван любой способ косвенного выражения мысли» (Арутюнова, 1990а). Такое расширение границ анализируемого материала связано с концептуальными характеристиками разных единиц: все они

имеют общую с лексической метафорой когнитивную основу, построены на соотношении разных концептуальных областей (см. подобный подход в (Баранов, Караулов, 1991; Глазунова, 2000; Ермоленкина, 2002; Кобозева, 1998; Мишанкина, 2002; Резанова, 2004; Чудинов, 2003; Юрина, 2004)). При когнитивном анализе, позволяющем исследовать ментальные структуры, «понятийное сближение воспринимается как фактор значительно более важный, чем уровневые или структурные различия» (Чудинов, 2001). Этим объясняется и тот факт, что в указанных работах, как и в настоящем исследовании, отсутствует противопоставление конвенциональных (стертых, мертвых) и креативных (новых, живых), узуальных и окказиональных метафор.

Актуальность исследования определяется также тем, что, при относительной разработанности метафорического миромоделирования в сферах, предполагающих осознанное метафоротворчество (политика, наука, художественная литература, реклама), на материале литературного языка, исследований, посвященных изучению в этом аспекте обыденного языка, в частности, диалектной речи, не так много (см., напр., Демешкина, 2000; Ермоленкина, 2002; Иванцова, 2002; Коберник, 2007; Колосько, 2002; Надеина, 2007; Юрина, 2004; Яговцева, 2006 и др.).

Диалектная языковая система – это особый, уникальный способ представления действительности, а изучение метафор позволяет описать метафорический фрагмент диалектной языковой картины мира и рассмотреть систему образных представлений о мире, в которых отражены особенности народного мировосприятия. Репрезентируемую говорами традиционную культуру – народную – в современной ситуации можно определить как уходящий тип культуры, и стремление зафиксировать следы уходящей культуры в говорах является важнейшим стимулом для их изучения. Анализ метафор дает в этом отношении богатый материал для исследователя, поскольку, как отмечает Е.В. Иванцова, именно «метафорическое словоупотребление служит важным источником изучения языковой картины мира личности, в том числе ценностной языковой картины мира» (Иванцова, 2005).

В настоящем исследовании осуществляется попытка системного описания метафорического фрагмента диалектной картины мира.

Объектом исследования являются диалектные метафоры, функционирующие в русских говорах Амурской области.

Предмет изучения составляет метафорическое моделирование действительности в диалектной речи.

Цель исследования состоит в выявлении метафорического фрагмента диалектной языковой картины мира.

Для достижения цели необходимо решить ряд задач:

1. Выявить состав метафорической лексики в русских говорах Амурской области; на основании контекста сформулировать результативные (переносные) значения метафорических номинаций.

2. Выделить совокупность концептуальных сфер, являющихся объектом метафорического моделирования в русских говорах Амурской области.

3. Выделить совокупность концептуальных сфер, являющихся источником метафорического переосмысления в русских говорах Амурской области.

4. Выделить метафорические модели, функционирующие в диалектном дискурсе.

5. Определить прагматические смыслы частных и базовых метафорических моделей; на основе анализа актуализированных в них смыслов описать ценностный компонент метафорической картины мира диалекта.

6. Разработать принципы лексикографической интерпретации диалектной метафорической лексики и составить фрагмент словаря метафор русских говоров Приамурья.

Материалом исследования послужили записи диалектной речи, выполненные при участии автора в ходе фольклорно-диалектологических экспедиций, предпринятых преподавателями и студентами кафедры русского языка Амурского госуниверситета в села Амурской области в 2000-2008 гг. Метафорические контексты (1004) выбраны из текстов с записями речи информантов; проанализировано 715 метафорических единиц.

Новизна исследования состоит в том, что в диссертации

1. Введен в научный оборот новый материал – метафорические единицы русских говоров Амурской области.

2. Метафорический фрагмент диалектной ЯКМ впервые описан как целостное образование, охарактеризованы понятийные сферы, элементы которых являются объектами метафоризации в диалектном дискурсе.

3. Диалектные метафоры рассмотрены как дискурсивно обусловленные, т.е. зависящие от внеязыковой ситуации общения, социальных и личностных особенностей коммуникантов, их особой картины мира.

4. Определены основные закономерности метафорических переносов в разных сферах диалектной языковой картины мира, охарактеризованы базовые метафорические модели, посредством чего описан фрагмент языковой картины мира русских говоров Амурской области, представленный в системе метафорических единиц.

5. Метафорическая лексика, относящаяся к понятийной сфере «Человек», представлена в систематизированном виде как фрагмент «Словаря диалектных метафор русских говоров Амурской области».

Применяемые в работе методы определяются объектом и целью исследования. Теоретической основой исследования стали два научных направления: теория концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон, в отечественной когнитивистике – А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов,

И.М. Кобозева, А.П. Чудинов и др.) и теория регулярной многозначности, разрабатываемая отечественными лингвистами в рамках структурно-семантического описания языка (Ю.Д. Апресян, В.Г. Гак, Г.Н. Складарская, И.А. Стернин, В.Н. Телия, Д.Н. Шмелев и др.).

Указанные направления различаются подходами к описанию метафор. С точки зрения структурно-семантического подхода для описания метафорического переноса необходимо охарактеризовать компонентный состав слова, поскольку метафора понимается как результат замены архисем в структуре языкового значения слова (Гак, 1998), как перенос на основе общего для исходного и производного значений семантического элемента, отвлеченного признака, «символа метафоры» (Складарская, 1993).

Когнитивисты, сознательно игнорируя довольно зыбкую границу между лингвистическими и экстралингвистическими феноменами, описывают процесс метафоризации как операцию над знаниями, а значение метафоры представляют в виде сложного фрейма, являющегося результатом применения определенных когнитивных процедур (Баранов, 1991). Предложенная Е.С. Кубряковой когнитивно-дискурсивная методика предполагает исследование единиц языка в процессах порождения и восприятия речи, в рамках речевой (дискурсивной, коммуникативной) деятельности (Кубрякова, 2004). Использование этой методики предполагает изучение метафоры с учетом специфики дискурса, что позволяет объяснить, чем мотивирован выбор данной метафорической единицы в конкретном контексте, а также выявить закономерности метафорического отражения фрагментов мира в речевых отрезках того или иного смыслового наполнения, тематической отнесенности. При этом метафорический контекст рассматривается в связи с ситуацией, в которой он был создан, и с учетом его соотношения с цельным текстом и другими метафорическими контекстами. При таком подходе предметом исследования становится не отдельная метафора, а система метафорических моделей (см. работы Резановой, 2003, 2004; Чудинова, 2001, 2003 и др.). Метафорическая модель понимается как существующая в сознании носителя языка взаимосвязь между понятийными сферами, при которой система фреймов сферы-источника служит основой для моделирования понятийной системы другой сферы-мишени.

Как отмечает В.В. Петров, «семантическая концепция объясняет механизм метафорического переноса, а когнитивная – принципы отбора переносимых характеристик» (Петров, 1990). В связи с этим в последнее время в некоторых исследованиях метафору описывают как семантический и когнитивный процесс одновременно, говоря о производстве метафор не просто как о лингвистическом явлении, но как о лингвокогнитивном творчестве (Бондаренко, 1996; Ермоленкина, 2002; Кукса, 2007; Мишанкина, 2002; Чудинов, 2001, 2003, 2005, Шитикова, 2002 и др.). В данной работе совмещаются приемы, характерные для структурно-семантического и когнитивного подходов. Описание моделей, а также типов

и способов их организации осуществляется через сопоставление элементов смысловой структуры метафорической номинации – исходного и результирующего значений, последующее описание типов метафорических переносов позволяет характеризовать различные фрагменты картины мира, выраженные в системе метафорических единиц.

Таким образом, основным методом исследования является метод научного описания, реализующийся в приемах компонентного и когнитивно-дискурсивного анализа (описание метафорических моделей и последующая реконструкция когнитивной модели фрагмента языковой картины мира). Помимо этого используется прием интроспекции, подразумевающий «учет социальных, культурных и прочих факторов, фоновых знаний и прошлого опыта индивида и социальных групп» (Мишанкина, 2002), и прием моделирования. При создании «Словаря...» применялся лексикографический метод, заключающийся в инвентаризации диалектных единиц посредством их лексикографирования.

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в изучение метафоры как механизма миромоделирования. Работа имеет значение для лингвокультурологии, представляя собой вклад в изучение специфики русской языковой картины мира и, в частности, диалектной языковой картины мира. Исследование метафорической номинации как механизма выявления культурно значимых смыслов также вносит вклад в теорию лингвометафорологии. Работа имеет значимость для диалектной лексикологии, исследования диалектного текста как дискурса, для общей теории метафоры благодаря введению в научный оборот нового лексического материала и его интерпретации.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования основных положений и выводов исследования в учебном процессе при разработке курсов культурологии, диалектологии СРЯ, спецкурсов и спецсеминаров по метафорологии, а также в дальнейшей научной работе по изучению метафорического миромоделирования. Результаты исследования могут быть использованы в практике составления словарей диалектной лексики и специализированных словарей русского языка (например, словарей образной лексики).

Апробация результатов исследования Основные положения работы были представлены на конференциях: VII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения», Томск, 21-22 апреля 2006 г.; Международной научной конференции «Языковые аспекты регионального существования человека», посвященной юбилею академика МАН ВШ, доктора филологических наук, профессора О.И. Блиновой, Томск, 2006 г.; Всероссийской научно-практической конференции (Новиковских чтениях), посвященной 150-летию Амурской области «Амурская область: история и современность», Благовещенск, 21-24 октября 2008 г.; Международной

научно-практической конференции «Традиции и инновации в лингвистике и лингвистическом образовании» (Томск, 23 – 24 октября 2009 г.).

Положения, выносимые на защиту

1. Языковая картина мира, отразившаяся в выявленной метафорической диалектной картине мира, является внутренне цельной системой, отражающей ценностно значимые для диалектоносителя аспекты действительности и во многом обусловленной экстралингвистическими факторами: этнокультурными особенностями, бытовыми условиями, социально-историческими событиями и ситуациями и т.д.

2. Анализ совокупности метафорических переносов и метафорических моделей, функционирующих в диалектном дискурсе, позволяет выявить ценностный фрагмент диалектной языковой картины мира.

3. В сферу метафорического моделирования в исследуемых говорах наиболее активно вовлекается концептуальная сфера «Человек», элементы которой выступают как в качестве источников метафорического переосмысления, так и в качестве объектов метафоризации. Диалектная метафорическая картина мира характеризуется антропоцентризмом. Значительное количество диалектных метафор выявляет антропоморфность как способ образной интерпретации метафоризируемых объектов.

4. Метафорическое моделирование дает возможность определить базовые концептуальные метафорические модели в диалектном дискурсе, которые представляют человека как натуроморфный объект животного или растительного происхождения, абстрактную сущность как антропоморфный объект, растительный организм как антропоморфный или предметный образ.

5. Анализируемый в работе метафорический фрагмент диалектной языковой картины мира выявляет особенность мировосприятия диалектоносителей, заключающуюся в интерпретации происходящего событийного ряда как неконтролируемого и в пассивной позиции человека в жизненном пространстве.

6. Базовыми концептуальными метафорическими моделями в диалектном дискурсе являются модели, интерпретирующие абстрактные ментальные понятия – жизнь, смерть, судьба. В рамках этих моделей абстрактные сущности предстают как субъекты, активно проявляющие по отношению к человеку, который чаще всего оказывается в позиции объекта, подвергающегося воздействию.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Во *введении* обосновывается актуальность работы, ее новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются ее цели и задачи, определяются объект и предмет исследования, описываются материал и

методы его исследования, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Метафора в диалектной языковой картине мира» посвящена рассмотрению теоретико-методологических положений, которые лежат в основе подхода к диалектным метафорическим единицам, принятого в данном исследовании.

Язык выступает знаковым организатором для перевода информации из внешнего мира во внутренний мир человека: систематизирует внеязыковую деятельность, отражает мир человеческих знаний, понятий, идей. **Языковая картина мира (ЯКМ)** является результатом вербализации концептуальной картины мира, это «глубинный слой миропонимания, слившийся с первичным синтаксисом и базисной лексикой» (Постовалова, 1987).

Каждый тип культуры, каждая субкультура, равно как и подсистемы языка (общенациональная, литературная, просторечная, жаргонная, диалектная), формируют средствами языка свою картину мира, обусловленную типом коммуникантов, их целями, характером тем, ситуаций общения. Значимым для настоящего исследования является то, что ЯКМ формируется исторически, и для каждой языковой общности значительная часть ЯКМ остается стабильной на протяжении всего времени существования этой общности. Однако, являясь отражением человеческого взгляда на мир, ЯКМ неизбежно отражает происходящие в обществе изменения.

Особую значимость в конце XX - начале XXI вв. приобретает изучение диалектного варианта русской национальной языковой картины мира, который большинство исследователей определяют как **диалектную картину мира**. Это функционально детерминированный вариант языковой картины мира, в котором отражены свойственные деревенской культуре традиции, уклад, быт, наивный, эмпирический образ действительности. Актуальность реконструирования диалектной картины мира по данным языка заключается не только в значимости ее как составляющей русской ЯКМ, но и в отражении в ней особого типа культуры: «русские народные говоры являются речевым воплощением особой традиционной русской деревенской культуры, для которой в ее речевой части характерны собственные прецедентные тексты, свои наборы социально-коммуникативных ролей, специфический состав речевых событий и речевых жанров, свои способы трансляции диалекта во времени, своеобразное речевое сознание, свой речевой этикет...» (Гольдин, 2000). Исследования, связанные с изучением диалектной картины мира, в последнее время активно ведутся в диалектологии и когнитивной лингвистике (см. работы Л.А. Араевой, С.М. Беляковой, О.И. Блиновой, Т.И. Вендиной, В.Е. Гольдина, Т.А. Демешкиной, Л.И. Ермоленкиной, Е.В. Иванцовой, Л.Н. Коберник, В.Д. Лютиковой, Л.В. Надеиной,

Е.А. Нефедовой, С.Е. Никитиной, С.М. Толстой, Е.А. Штехман, О.А. Яговцевой и других).

Значимым для реконструирования ЯКМ конкретного языкового сообщества является анализ дискурса, целостной лингвокогнитивной структуры, в рамках которой «разворачивается» ЯКМ. Именно дискурс, по мнению В.З. Демьянкова, «создает общий контекст, ...определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который "строится" по ходу развертывания дискурса» (Демьянков, 1982). «Дискурсивный подход к исследованию метафоры представляет аспект ее функциональной характеристики. При этом интерес сосредоточивается на соотношении специфических механизмов метафорического отражения и регулирующих механизмов метафорической интерпретации фрагментов мира в различных типах дискурса» (Резанова, 2003).

Как весьма специфическое явление, отражающее картину мира диалектоносителей, предстает **диалектный дискурс**. Он возникает и существует в особых условиях коммуникации: в ситуации бытового общения деревенских жителей – друг с другом или с собирателями диалектного материала. В диалектном дискурсе используется разговорная форма речи, он является преимущественно диалогичным, основной целью общения является обмен бытовой информацией. Коммуниканты – носители диалекта (или полудиалекта) – также обуславливают один из параметров диалектного дискурса. Это люди, всю жизнь прошедшие в сельской местности, имеющие сходные судьбы (практически все наши информанты относятся к поколению людей 20-х – 30-х годов XX века, выросших в Советском Союзе, всех их так или иначе коснулась война, бытовые трудности послевоенного времени; уже в зрелом возрасте им пришлось пройти через смену государственного строя и, живя в селе, оказаться в жестких условиях нового времени). Эти обстоятельства определили единство картины мира коммуникантов, их особенный взгляд на мир – взгляд человека-хозяйственника, человека природы, привыкшего жить плодами своего труда. Общность тем их межличностного общения (и общения с собирателями диалектного материала), касающихся их прошлой жизни и жизни настоящей, единство ситуации бытового общения также позволяет рассматривать анализируемый материал как запись диалектного дискурса.

Дискурс как единый, общий для определенной группы коммуникантов мир, обусловленный ситуацией, целью общения, типом коммуникантов, характеризуется относительно строгим отбором речевых средств. Поэтому анализ метафорической системы дискурса позволяет выявить мировоззренческую позицию субъектов, формирующих данный дискурс.

Метафора в исследовании рассматривается как **лингвокогнитивное явление**. Утверждение о том, что метафора играет основополагающую

роль в концептуализации действительности, дает основание рассматривать ее как средство формирования ЯКМ и в конечном итоге – как средство, позволяющее постичь особенности мировосприятия людей.

Интегративный подход, учитывающий результаты исследований, проведенных в рамках структурно-семантических и когнитивных теорий метафоры, а также дискурсивные особенности метафор, отражается не только во взгляде на диалектные метафорические единицы как на отражение мировидения диалектоносителей, но и в используемой в работе методологии.

Для описания метафорического миромоделирования необходимо выявить совмещаемые понятийные сферы и установить основания когнитивного переосмысления одной сферы в понятиях другой.

Анализ диалектных метафор включает три этапа.

Первый этап предполагает выявление метафорических единиц, функционирующих в русских говорах Амурской области, определение **исходного** (прямого) и **результативного** (переносного) значений метафор (ИЗ и РЗ соответственно), распределение метафор по группам на основании единства отражаемых ими сфер действительности. Таким образом определяются конкретные сферы-мишени метафорической экспансии.

Второй этап предполагает сопоставление ИЗ и РЗ метафор путем применения приема компонентного анализа. Таким образом определяются потенциальные (или входящие в денотативное значение) семы, отражающие те признаки, которые становятся основанием для метафорического переосмысления. Приведем пример анализа языковой метафоры *идти жизнь* из следующего фрагмента: *Сима, он тебя обманет! Он тебе не возьмёт! Той-то не жалко, а тебе надо ещё **жить** идти*. ИЗ *идти* – ‘Передвигаться, перемещаться в пространстве’. Для метафорического переосмысления глагола существенными оказываются такие компоненты исходного значения, как «совершать поступательное движение», «однонаправленное движение», «в одном темпе», «последовательно минуя этапы пути». РЗ *жизнь идти* – ‘Жить’. Таким образом, жизнь осознается как линейное движение от начальной точки в определенном направлении к определенному месту и вербально соответственным образом интерпретируется. То, что в представлении диалектоносителей человек проживает жизнь, как проходит (проезжает) дорогу, часть выделенного ему пути, подтверждается и другими метафоричными высказываниями: *Чё я знаю. Да **жизнь** от такую **пройшла**. **Неспокойнаю***. (ИЗ *пройти* – ‘В ходьбе, движении передвинуться по какому-н. месту’, РЗ *пройти жизнь* – ‘Прожить’).

Анализ соотношения ИЗ и РЗ метафоры дает информацию об актуализации элементов когнитивной системы при метафоризации. На третьем этапе на основании закономерностей метафорического переосмысления фрагментов действительности реконструируется

когнитивная модель метафоры. Метафорическая модель отражает соотношение исходной понятийной области (сферы-источника), к которой относятся прямые, неметафорические смыслы охватываемых моделью единиц, и области, на которую проецируются некоторые метафорические признаки (сферы-магнита).

Рассмотренные выше примеры метафор могут быть отражены метафорической моделью «Жизнь – это дорога». Анализ метафорических моделей, таким образом, выявляет способы языкового миромоделирования.

Метафорическая модель, способная в некоторой степени определять наше восприятие жизни, называется *базисной* – это модель, выделяемая «эмпирически обобщением семантических механизмов смыслообразования единиц лексического поля на основе единства признаков: тип исходного значения, тип результативного значения, тип семантической ассоциации, на основе которой устанавливается логическое отношение подобия» (Резанова, 2003). Базисная (ключевая) модель «задает аналоги и ассоциации между разными системами понятий и порождает более частные метафоры» (Арутюнова, 1990б), т.е. частная и базисная модели связаны отношениями иерархической подчиненности.

Так, модель «Жизнь – это однонаправленное движение» объединяет, обобщает более частные случаи метафорических моделей, ее дискурсивные варианты («Жизнь – это движение транспорта», «Жизнь – это полет птицы», «Жизнь – это течение реки»), реализующиеся в диалектном дискурсе в отдельных метафорических выражениях.

Определение оценочных компонентов переносного значения метафоры и само направление метафорического переноса позволяет описать ценностный компонент метафорического значения, хотя не все метафоры имеют аксиологическую направленность, встречаются метафоры, нейтральные в плане оценки: *подушка* ('Подоконник'), *усы* ('Длинные ветви талы, служащие каркасом в рыболовной снасти'), *голик* ('Веник из толстых прутьев'), *уйти* ('умереть'), и т.п.

Оценка объекта метафоризации значима для метафоры постольку, поскольку она определяет выбор источника метафорической экспансии. Для того чтобы наделить некоторый объект «чужим» именем, говорящему необходимо оценить и соотнести сферу-источник и сферу-мишень. При метафоризации в семантике слова происходит сдвиг в наборе признаков, которые могут актуализироваться. Например, в метафорическом значении слова *кукушка* актуализируются признаки денотата: откладывающая яйца в чужом гнезде, не выращивающая свое потомство самостоятельно и т.п., что оценивается отрицательно для объекта, получающего такую метафорическую характеристику. Поэтому метафора *кукушка* приобретает оценочный смысл «плохо» (*вот та, которая детей бросает, то звали кукушка, женицину*), хотя в исходном значении лексема *кукушка* оценочных признаков не содержит. В метафорическом значении «денотация предваряет

коннотацию: последняя квалифицирует то, что описывает обозначаемое как класс» (Телия, 1988).

Таким образом, компонентный анализ исходного и результативного значений метафоры и анализ выстраиваемых на основании сопоставления этих значений метафорических моделей (направлений метафорических переносов в них) дает возможность, во-первых, высветить антропометрическую позицию, служащую фильтром, сквозь который воспринимается мир, во-вторых, объяснить, каким видится мир носителю языка и каков он сам в этом мире.

Во второй главе «Метафорические модели диалектного дискурса» описывается система метафорических моделей диалектного дискурса, отражающих три концептуальные сферы: «человек», «природа», «артефакты». Ряды метафор, относящихся к понятиям названных областей, образуют систему и отражают дискурсивную реализацию метафорических моделей, на основе анализа которых в исследовании описываются особенности эмоциональной и интеллектуальной интерпретации данных понятий в языковом сознании диалектоносителя.

В первом разделе «Метафорическое моделирование концептуальной сферы «Человек»» охарактеризованы получающие метафорическую интерпретацию в диалектном дискурсе понятия, относящиеся к экзистенциальным представлениям человека, его поведенческой характеристике, психическим свойствам и состояниям, физическим свойствам.

В концептуальной сфере «Человек» наиболее активно метафорическую интерпретацию получают понятия, отражающие абстрактные сущности (жизнь, время, болезнь и т.п.). Поскольку они нуждаются в конкретизации, то *интерпретируются как субъекты, объекты либо пространства*, что порождает субъектные, объектные и пространственные модели. На периферии метафорического осмысления по отношению к сфере «Человек» оказываются модели, в которых значимым является моделирование объекта по типу источника: животное, растение, артефакт.

Наиболее регулярно метафорическую интерпретацию получают экзистенциальные понятия – жизнь (и входящие в нее, столь же значимые для диалектоносителя болезнь, время, социально-исторические явления) и смерть.

Жизнь метафорически воплощается 1) в пространственных моделях (жизнь как дорога, по которой движется человек, жизнь как земное и как водное пространство (*Чё я знаю. Да жизнь от такую пройшла. Непокойнаю; Раньше сами пекли. Моя мать, покойница, у колхоз пекла. Всю дорогу пекли хлеб; Ели и собак, и кошек. Это очевидец я. Это всё прошло через мою жизнь; Ну, она села и уехала куда-то туды вот. А он здесь бултыхается. Пьёт*)); 2) в субъектной модели, основанной на представлениях о жизни как об активном субъекте, перемещающемся или

совершающем какие-либо действия в отношении человека (*Уже жись прошла, девочки, прошла. Как будто один день проскочила; Детство прошло такое; Так вот моя молодость и прошла, и я не видела я жизни хорошей; Жись всё заставит, девчаты, всё заставит; Жизнь надолбёт – всё ценить станешь*); 3) в объектной модели, представляющей жизнь как материальный предмет, наделенный соответствующими признаками (*Нам уже чё, нам уже досталась своя жизнь, как жизнь досталась – ничего, не обижайся, чё теперь; Так жись складывается; Этот случай мне всю жизнь перевернул; Его жизнь же сломалась: он разошёлся с женой*). Подобным образом – в субъектной и объектной моделях – предстают социально-исторические явления: *война* (*Да многих из нас война-то захватила; Война помешала пожить ему; Нас война заставила траву есть, лебеду есть*) и социальные изменения (*Ну вот чё, перевернулось всё. За тысяч лет; Перевернули всё на свете, и совсем жизнь другая стала, теперь ничё не сделаешь; После перестройки увсё и стало разваливаться*).

Время в диалектном дискурсе представлено как линейное, «развернутое» по горизонтали, движущееся относительно человека, что отражено в субъектной и пространственной моделях (*Так пробежит летычко; Время бежит, течёт, как вода течёт, правда?*).

Субъектная модель болезни оказывается наиболее распространенной в диалектном дискурсе (*Кончается, уворю, болезнь, выходит; Всякая болезнь пристроится; Эт счас вот уже, болезнь, она приковывает, всё; У неё склероз, разбил её окончательно*) по сравнению с ее объектной моделью (*Вот и поймала она сифилис; Она начала там гулять, пить, трепаться, схватила сифилис этот*); «действия» болезни, направленные на человека, связаны с деструкцией и перемещением в пространстве относительно него.

Представления диалектоносителей о смерти связаны с мифологическим образом антропоморфного существа (субъектный образ), образом свободно перемещаемого материального объекта (объектный образ) или с пространством, куда уходит умерший (пространственный образ).

Поведенческая характеристика человека также может быть представлена через субъектные, объектные и пространственные образы (метафорические модели «Психологическое сближение – это физическое сближение», «Замужество – это перемещение в пространстве», «Повторный брак – это приобретение предмета» и др.), при этом многие отношения между людьми уподобляются физическим действиям различного характера, в том числе направленным на объект: как направленное перемещение в сторону объекта, взаимное перемещение относительно одной точки, вхождение в некое пространство интерпретируется психологическое сближение людей и начало физических отношений (*подкатиться, сойтись, войти в жизнь*). Однако поскольку, говоря о поведении человека, диалектоноситель прибегает к метафоре прежде всего для того, чтобы,

характеризуя, оценить его положительно, как соответствующее этической норме, допустимое либо образцовое, или отрицательно, как не соответствующее норме, то в этой группе метафорических моделей более значимыми оказываются такие, которые свидетельствуют об интерпретации человека как животного или как предмета. При использовании образов животного мира в качестве источников метафор вступает в силу фактор антропоцентризма: человек измеряет, оценивает окружающее, избирая в качестве нормы, «нулевой точки» собственные параметрические характеристики или свое представление о «правильном», «допустимом».

Физические действия человека, характер протекания или способ выполнения которых отличается от обычного, могут быть метафорически интерпретированы как действия, совершаемые в иной сфере, например, для сообщения о приеме пищи выбирается глагол физического действия (*молотить*), перемещение в пространстве обозначается через глагол физического воздействия на неживой объект (*перетянуть*).

Метафоры, интерпретирующие психические свойства и состояния человека, отражают его интеллектуальные способности и эмоциональные состояния. Память (синонимом к которой в диалектном дискурсе выступают голова, ум, мозги) интерпретируется как пространство, заполненное информацией (в первую очередь мыслями и воспоминаниями), как субъект, выполняющий какую-либо работу, и как объект, наличествующий либо отсутствующий у человека. Информация, заполняющая память, в свою очередь, может быть представлена как объект (который теряют или находят) и как субъект (который может самостоятельно перемещаться в пространстве памяти или выходить за ее пределы): *Ты смотри-ка, то всегда пою эти песни, а тут как **вышибло**; Вот как вот **выйдет с уловы**, ничё – забывается; Да чёт его знает, **на ум пришло**; У Нины **память больше**, она-то больше расскажет; А вот я уже скоко живу (в Амурской области), а вот слова ще не **выкидываю** белорусские. Я их уже многих **выкинула**, но всё равно (з)де-то скажешь по-белорусски; Тот одно сказал, тот другое, и так воспоминания **идут**.*

Метафора позволяет описать ощущения и состояния человека, а зачастую является единственным способом передать информацию подобного рода. В метафорической интерпретации чувства и ощущения предстают чаще всего как активные субъекты, совершающие физические действия по отношению к человеку-объекту. Антропоморфность, приписываемая абстрактным сущностям, позволяет говорящему описывать собственное состояние: «действие» абстрактного объясняется через метафорические употребления слов, в прямом значении относящихся к материальному, освоенному человеком, измеримому. Метафорически чаще интерпретируются те эмоциональные состояния, которые оцениваются как отрицательные: *зло берет, обида взяла, печаль подковыривает, страх забрал* и т.п.

Целью метафорического описания внешнего вида человека является не столько его характеристика, сколько оценивание как эстетически привлекательного или не привлекательного, соответствующего или не соответствующего принятым нормам. Метафоризация может осуществляться на основании сопоставления как с одушевленным объектом, так и с неодушевленным. В качестве основания для положительного метафорического образа используется некий образец, оцениваемый говорящим позитивно, например *кукла, статуэтка, картиночка* в метафорических сравнениях. Отрицательную метафорическую оценку внешности человека создают образы живых существ, внешний вид которых неприятен человеку или оценивается как отступающий от некоей нормы.

Первый раздел второй главы завершается анализом сфер-источников метафорического переосмысления понятий, относящихся к сфере «Человек».

Основным источником метафоризации выступает физическая сфера человека. В физической сфере переносное значение приобретают а) действия, связанные с перемещением в пространстве, б) действия, направленные на объект.

Как перемещение в пространстве интерпретируется, в первую очередь, жизнь, в том числе ее отдельные этапы и события. Такая интерпретация жизни позволяет сделать ее измеримой путем включения в пространственную систему координат, «материализовать» протяженную во времени абстрактную сущность. Через глаголы перемещения в пространстве говорящий интерпретирует ход времени, «этапы» которого – годы и сезоны – движутся в пространстве относительно человека. Целенаправленное перемещение в пространстве передает этапы протекания болезни (*идти, прийти, найти на кого-л., ходить, уйти*), называя ее начало, распространение или завершение. Как перемещение в пространстве интерпретируется и такие абстрактные сущности, как смерть (*прийти, уйти*), эмоциональные состояния (*счастье ушло, прошло*).

Сфера физического является источником регулярного переосмысления для интеллектуальной сферы. Как направленное перемещение в сторону объекта или от объекта и как вхождение и выход из некоего пространства интерпретируются особенности протекания интеллектуальной деятельности человека. Приближение / вхождение называют процесс воспоминания чего-либо, удаление / выход – процесс забывания. Таким образом, человек делает наглядным наличие / отсутствие абстрактных сущностей (воспоминаний, мыслей). Физическое перемещение в пространстве также позволяет «материализовать» межличностные отношения людей.

Посредством глаголов, называющих воздействие на объект (манипуляции с объектом и деструктивные действия в отношении него), наиболее активно интерпретируются межличностные отношения людей.

Как приобретение объекта, овладение им интерпретируется контроль со стороны субъекта, доминирование в отношениях, начало совместной жизни (*держат в руках, верх взять, найти, попасться, принять*). Характером физического воздействия на объект в метафорических номинациях определяется характер межличностных отношений (*оттолкнуть, воевать, поливать грязью, давить, обсасывать, крутить*), которые также интерпретируются как разрушение, уничтожение объекта (*подсечь, в ложке утопить, поедать, проглотить, сожрать*) и как изменение положения объекта в пространстве (*поднять, поставить на ноги*).

Через глаголы деструктивного воздействия на объект и глаголы уничтожения активно осмысляются персонифицированные в субъектных образах абстрактные сущности: болезнь, война, жизнь, различные эмоции. Это может быть овладение объектом (*страх взял, зло берет, достаться, попасться, захватить*), деструктивное воздействие на объект (*надолбить, перевернуть, бить, бросать, трясти, подковыривать*), разрушение и уничтожение объекта (*разбить, съесть, развалить, убить*), изменение положения объекта в пространстве (*принести, унести*). При этом в роли объекта чаще всего выступает человек, однако действие может быть направлено и на саму абстрактную сущность – жизнь, смерть или социальную ситуацию.

Как действия, направленные на объект, регулярно интерпретируются в метафорических номинациях процессы и состояния, относящиеся к интеллектуальной сфере человека: забывание, невозможность самостоятельно принимать решения определяются как утрата объекта (*потерять, терять*) или изменение положения объекта в пространстве (*выбить, вышибить, выкинуть*). Отдельные действия человека также могут быть интерпретированы как физическое воздействие на объект, например, трудовые действия (*шлепать, отдубасить, пропахать*), разнообразные бытовые действия (*молотить – ‘Танцевать’, ‘Есть’, наворачивать – ‘Пить’, долбить – ‘Есть’, мазаться – ‘Краситься’*), речевые действия (*тянуть, вытягивать, наворачивать, строчить, молотить*).

Эмоции человека интерпретируются в основном как физические действия. Абстрактные сущности также моделируются на основе действий, сопровождающих наглядно-конкретный способ освоения мира. В большинстве случаев внутренний мир человека конструируется по аналогии с внешним.

Выраженные в метафорах представления о человеке, моделируемые на основании переосмысления составляющих понятийной сферы «Человек», в большинстве своем организуются по базовой модели, в соответствии с которой материально не выраженные, в первую очередь психические, процессы и состояния соотносимы с физическими действиями человека. Фрагменты понятийной сферы «Человек», связанные с абстрактными сущностями, интерпретируются в соответствии с базовой моделью «Абстрактная сущность – это человек».

Отдельные метафоры данной понятийной сферы относятся к *ориентационным*, по классификации Дж. Лакоффа и М. Джонсона: это метафоры, основанные на физическом и культурном опыте человека, связанные с пространственной ориентацией и отражающие организацию целого фрагмента реальности по образцу некоего другого фрагмента. Они могут быть представлены как противопоставления типа «верх – низ», «внутри – снаружи», «передняя сторона – задняя сторона», «широкое – узкое» и выявляются в сферах, непосредственно не связанных с какой-либо системой координат, например, в сфере чувств, в сфере социальных отношений, в сфере морали и нравственности (Лакофф, Джонсон, 1990). При этом модель, дискурсивной реализацией которой является конкретная ориентационная метафора, относится одновременно и к ориентационной модели, и к конкретной базовой метафорической модели. Например, модель «Помощь в развитии, становлении – это перемещение объекта вверх» входит в базовую модель «Психологические процессы/состояния – это физические действия/состояния» и в ориентационную модель «Подъем – это положительное изменение», являющуюся частной реализацией ориентационной модели «Верх – это хорошо». Таким образом, одна и та же метафора может находиться на пересечении метафорических моделей, поразному интерпретируя объект метафорической экспансии. Такие модели не вступают между собой в противоречие.

Анализируемые в работе метафоры отражают специфику миромоделирования в диалектной языковой картине мира. Одной из значимых особенностей восприятия мира диалектоносителями является идея **неконтролируемости жизни**, получающая регулярное отражение в метафорах диалектного дискурса. Данная позиция отражается в метафорических моделях, интерпретирующих абстрактные сущности как активные субъекты, оказывающие воздействие на человека либо независимо от него перемещающиеся в пространстве (*война заставила, жизнь сгубила, горе убilo, жизнь прошла, счастье ушло, болезнь пришла*). Наделяя абстрактные сущности способностью действовать независимо от человека, говорящий одновременно констатирует невозможность контролировать происходящее в его жизни.

Мир природы также используется как сфера-источник метафорической экспансии. Наиболее активно метафорическое переосмысление образа животного используется для интерпретации поведения человека (*лизнуть, гавкнуть, чушка, телок, козочка*). Метафорически интерпретируются трудовые действия и состояния трудящегося человека (*запрячься, быть в хомуте, работать, как ишак, как лошади*), речевые действия (*мурлыкать, смеяться, как лошадь*), внешний вид (*чушка, лось*). Единичны метафоры, в которых через образы животного мира интерпретируется физическое состояние (*черепаха*), межличностное поведение (*снюхаться*), поведение вообще (*звери*).

Образы птиц используются в качестве источника метафоризации прежде всего в сфере интеллектуального: скорость перемещения птицы сопоставима в сознании говорящего со скоростью исчезновения/восстановления информации в памяти человека (*вылететь, повывлетать, налететь на ум*). Тот же параметр «скорость» значим и для интерпретации жизненных событий как того, что *пролетело, улетело*. Поведение птиц, в первую очередь, домашних интерпретируется как поведение человека (*кукушка, как петушок, как курица, как цыплята*). Как взросление птицы интерпретируется становление человека, обретение им самостоятельности и обустройство жизни в целом (*оперяться*). Образы птиц становятся источником для интерпретации физических действий (*залетать, перелететь, разлететься*), речевых действий (*чирикать, прокукарекать*), внешнего вида (*как обципленный рябчик*)

Образы растительных организмов используются наиболее активно для интерпретации внешнего вида, физического и эмоционального состояний человека. Того, чей вид характеризуют как бодрый и красивый, сравнивают с *огурчиком*, крепкого, упитанного младенца – с *кабачком*. Жилитый, сухопарый человек может быть уподоблен высохшему дереву (*сухостой*). Физическое состояние и внешний вид завершающего свой жизненный цикл человека соотносится с «состоянием», видом и формой дерева, находящегося в завершающей фазе его бытования: постаревший человек сравнивается с такими «состояниями» дерева, как *пень, труха, гнилушка*. Недвижимый от болезни, немощный человек уподобляется остатку, безжизненной части дерева – *чурке* (ср. в литературном языке: сломленный, надломленный болезнью). Этапы жизненного пути человека в диалектном дискурсе соотносимы с этапами роста растительного организма.

Мир неживой природы также выступает источником метафорических номинаций, поскольку объекты неживой природы и природные явления, подобно человеку, могут «проявлять себя» вовне. Образ воды используется для характеристики вербального, физического, психического проявления человека: слёзы *ручьем, булькнуть, выплеснуться*. Образ грохочущего грома выступает источником для метафорического переосмысления очень громкого смеха (*грохотать*). Как река интерпретируется абстрактные сущности: время (*течёт*), жизнь (*бултыхаться, утонуть в жизни*).

Выраженные в метафорах представления о человеке, моделируемые на основании переосмысления составляющих понятийной сферы «Мир природы», в большинстве своем организуются по базовым моделям «Человек – это животное/птица» и «Человек – это растительный организм». Фрагменты понятийной сферы «Человек», связанные с абстрактными сущностями, интерпретируются в соответствии с моделями «Абстрактная сущность – это птица» и «Абстрактная сущность – это река».

Объекты сферы «Мир вещей» используются для интерпретации как абстрактных, так и конкретных понятий, относящихся к сфере «Человек». Абстрактные сущности (жизнь, смерть, болезнь) не конкретизируются в

определенном образе, но наделяются некоторыми свойствами: как *целый* предмет интерпретируются жизнь, социальное устройство; как предмет, которым может быть наделен человек или который можно *найти, поймать, брать*, интерпретируются жизнь, болезнь, смерть. Как некие предметы, которыми может манипулировать человек, интерпретируются мысли и воспоминания.

Артефактные метафоры используются в основном для характеристики физиологических особенностей человека, внешний вид которого сопоставляется с *картиночкой, статуэткой, куклой, пышечкой*, отдельные части тела именуется *колотушкой, котелком, курятником, чердаком*. Общее физическое состояние человека может быть сравнимо с *тряпкой*, а за поведение его можно назвать *балалайкой, плетнём*.

Для сельского жителя, не сидящего на месте и без дела, одной из метафор, определяющих его жизнь и его самого, является метафора работающего механизма, построенная по модели «Человек – это механизм». Здоровый, крепкий, работоспособный человек уподобляется какому-либо механизму. Поведение людей, которые перестали следовать установленным правилам приличия, метафорически именуется глаголом *развинтиться*. Нарушение устоявшегося, привычного хода жизни уподобляется крушению поезда (*всё пошло под откос*).

Представления о человеке, моделируемые на основании переосмысления составляющих понятийной сферы «Артефакт», организуются по базовой модели, в соответствии с которой абстрактные сущности интерпретируются как артефакты. Метафорическая интерпретация человека осуществляется по базовой модели «Человек – это артефакт».

Во втором разделе «Метафорическое моделирование концептуальной сферы «Мир природы»» охарактеризованы получающие в диалектном дискурсе метафорическую интерпретацию понятия, относящиеся к растительному миру, неживой природе и природным явлениям. Основное количество метафорических номинаций натурфактов относится к классу «Растительный организм», что связано со значимостью для сельского жителя объектов данного класса как продуктов питания и лекарственных средств.

В концептуальных сферах «Мир природы» и «Мир вещей», включающих в себя преимущественно конкретные понятия, метафора определяет характер объекта, *моделируя его в соответствии с типом источника*: как объект той же понятийной сферы либо как объект иных сфер.

В основе метафор, интерпретирующих явления и объекты мира природы, лежат сформировавшиеся в сознании человека концепты, содержащие представления человека о свойствах его самого и окружающего его мира. Объект природного мира, имеющий набор определенных параметрических сущностных и структурных характеристик, может быть

представлен как своего рода двойник человека. Наиболее регулярно в объектное поле метафоризации попадает внешний вид растительного организма и вегетативный цикл.

Номинации людей по национальности, роду занятий, социальному положению, воинскому званию и т.п. выступают в качестве названий растительных организмов (*цыганка, чёрный принц, невеста, хирург, майор*). Такие названия передают информацию о внешнем виде растения, характере его цветения. Части тела человека называют части растительных организмов (*головёшка, косы*). Жизненный цикл человека переносится на период существования растительного организма и объекта неживой природы (*стареть, умирать*). Ежедневные действия человека называют этапы суточного цикла небесных светил (*спать, уснуть*), характер роста растений (*идти, ползти, сидеть, съест*). Глаголы перемещения называют распространение растений по территории (как следствие их роста) и движение объектов неживой природы (*идти*). Через глаголы физического воздействия на объект интерпретируется то воздействие, которое оказывают явления природы на объекты окружающего мира (*придавить, ударить*) и растительные организмы на человека (*лечить, кормить, одевать*).

Все антропоморфные метафоры, относящиеся к миру растений, создают образ растения как живого, одушевленного организма и созданы по модели «Растение – это человек». Антропоморфными в восприятии диалектоносителя оказываются и природные явления (мороз, жара, дождь, молния, наводнение), явления неживой природы (земля, вода, солнце). Все частные модели («Явление природы – это человек», «Растение – это человек» и т.п.) являются реализацией базовой метафорической модели «Природа – это человек». Антропоморфизм по отношению к объектам мира природы объясняется, скорее всего, не столько необходимостью концептуализировать объект или явление этого мира, сколько отражением понимания, восприятия всего без исключения природного как живого, способного чувствовать и действовать, как и человек.

Количество метафор, в которых в качестве источника метафоризации выступает артефакт, незначительно. Объект мира природы, интерпретированный как артефакт, охарактеризован таким образом с точки зрения его внешнего вида (единственная отмеченная метафора, основанная на соотношении функционального назначения – *аспиринка*). Одна и та же понятийная область может выступать в качестве источника метафорических номинаций для различных реципиентных областей (*зеркало* – об огороде, *как зеркало* – о воде) или для разных объектов одной области (*калачик* – растение просвирник и растение пеларгония).

Метафорическая модель «Растение – это артефакт», конструируемая на основе рассматриваемых метафор, подтверждает стремление диалектоносителя выбирать для характеристики какого-либо объекта близкий, хорошо знакомый образ.

Объекты мира природы используются для метафорического переосмысления при именовании объектов той же понятийной сферы в основном с целью назвать конкретный растительный организм по какой-либо особенности его внешнего вида, выделяемой также и у объекта-источника: *оленьи рожки* (гриб семейства рогатиковых (*Ramaria* sp.)), *гусиные лапки* (лапчатка гусиная), *барашки* (лилия карликовая), *петушки* (Иридодиктиум (ирис синий)), *конёк* (конь-губарь (*Hemibarbus labeo*)), рыба семейства карповых). Среди метафор этой группы встречаются характеризующие, которые могут быть отнесены к любому объекту, отличающемуся наличием характерных признаков: *шкурка* (лыко), *шишка* (соцветие травы, имеющее форму шара).

Метафорическая модель «Растение – это натурфакт» малопродуктивна в диалектном дискурсе, количество метафор, реализующих ее незначительно.

В третьем разделе «Метафорическое моделирование концептуальной сферы «Мир вещей»» охарактеризованы получающие метафорическую интерпретацию в диалектном дискурсе понятия, связанные с сельскими промыслами и с производством, созданием чего-либо: с приготовлением пищи, работой в поле и дома.

Многие вещи, которыми пользуется диалектоноситель, он наделяет признаками, свойственными ему самому. Антропоморфные метафоры, моделирующие артефакт «относительно человека», помогают представить и описать устройство или состав отдельных объектов действительности: *пупок* – центральная часть косовища, *щека* – боковая поверхность топора, *сердце* – средняя, центральная часть деревянного дома, *жилка* – тонкая леска, *пузастый* – имеющий округлые очертания, *голый*, *голенький* – не имеющий какого-либо внешнего слоя или не покрытый чем-либо. Подобные метафорические названия составных частей приспособлений и инструментов не только описывают особенности внешнего вида (сходство деталей или объекта целиком с какой-либо частью человеческого тела), но и характеризуют принцип их действия: *зуба* (мялка), имеющая *зубы* (выступы в форме призм), мнет лен или коноплю, словно пережевывая его; *язык* – деталь рыболовного снаряда или охотничьей ловушки в виде клинышка, вставляемого в раскрытую, как рот, снасть или ловушку.

Метафорические глаголы, используемые по отношению к предметам быта, пище, инструментам, механизмам, в прямом значении относящиеся именно к человеку, передают информацию об объекте: кукуруза была для говорящего не просто практически единственным продуктом в голодные годы войны, а *выручила* его; свекольный квас не просто утоляет жажду, а *убивает* ее; капроновые сети, брошенные в кипящую воду для окрашивания яиц, не крутятся в ней, а *играются*.

С другой стороны, диалектоноситель воспринимает как живые материальные объекты, имеющие определенный срок существования, в течение которого они пригодны для использования, сопоставляя их с собой.

Не случайно вещь, которая с точки зрения функциональности и целостности соответствует норме, называется *живой*, пришедший в негодность с точки зрения употребления, пользования объект определяется как *дряхлый, старый, калека*, вещь, которая уже непригодна для использования, как человек, *идёт в отставку*. Как существа, отношении диалектоносителя к которым уважительно и даже порой трепетно, представлены объекты мира вещей, наделенные особенной значимостью с точки зрения человека, – хлеб и дом.

Рассмотренные метафоры могут быть объединены моделью «Часть артефакта – это часть человеческого тела», являющейся частной реализацией базисной модели «Артефакт – это человек».

Сфера «Мир природы» выступает источником, в первую очередь, анималистических метафор, которые, как и антропоморфные, помогают диалектоносителю более точно охарактеризовать объект или его часть. Основанием для метафорического именованя объекта служит внешнее сходство, выявляемое у двух объектов. Чаще всего образами-источниками для метафоризации выступают домашние животные: *коза (козуля, козёл, козлик), конь (кобыла, конёк)*. Выделяемые у какого-либо вида животных признаки нередко служат базой для метафорического именованя объектов разных классов: *коза* – светильник, устанавливаемый на носу лодки для лучения рыбы, *козёл* – столб линии электропередач, *козлик* – уключина, *козуля* – ручная соха, отваливающая землю на одну сторону, – все объекты-мишени имеют разветвленную деталь, напоминающую рога домашнего животного.

В отличие от предыдущей группы, метафорическая модель «Артефакт – это живое существо», объединяющая зафиксированные анималистические метафоры, отражает не восприятие диалектоносителем вещи как живого организма, а собственно внешнюю и функциональную характеристику, данную материальному объекту.

Метафоры, образ-источник которых относится к сфере «Мир вещей», характеризуют объекты по внешнему виду, форме, размеру, назначению. Использование артефактных метафор для обозначения объектов той же концептуальной сферы нельзя считать языковой избыточностью. Их употребление в диалектном дискурсе обычно объясняется необходимостью обозначить деталь, не имеющую названия в литературном языке: *тарелка* – вид телеги; *рукав* – рыболовный снаряд в виде плетеной из прутьев продолговатой корзины; *зыбка* – приспособление для лова рыбы в виде корзины из прутьев или сети на обруче; *сани* – приспособление для рыбной ловли в виде маленьких санок, к которым на верёвках крепятся крючки с наживкой.

Артефактная метафора позволяет выразить свое отношение к именуемому посредством обращения к объекту иного класса: *игрушка* – о механизме, заводящемся легко, как игрушка, исправно работающем; *пароход* – о чем-либо имеющем большие размеры по сравнению с

человеческими; как *паровоз* – о том, что по размерам значительно превосходит человека. Предмет, относящийся к одному категориальному классу, таким образом, может быть описан как предмет, относящийся к другому категориальному классу.

Рассмотренные в диссертационном исследовании метафоры позволяют сделать вывод о том, что в диалектном дискурсе метафорический перенос может происходить в пределах одной понятийной сферы – в пределах одного или различных категориальных классов, что отражается, например, в использовании названий различных предметов, созданных человеком, в качестве именовании инструментов или в употреблении названий частей тела живого существа как наименований растительного организма. Однако чаще метафорический перенос осуществляется между разными понятийными сферами, например, между сферами «человек» и «артефакт», «природа» и «артефакт» (название части тела человека или животного, использованное как метафорическое наименование орудия труда), между сферами «артефакт» и «природа» (название предмета бытового обихода, употребляемое в качестве названия растительного организма).

Характер объекта метафоризации задает способ его метафорического моделирования. В концептуальной сфере «Человек» наибольшее количество метафор относится к понятиям, отражающим абстрактные сущности (жизнь, время, болезнь и т.п.). Поскольку они нуждаются в конкретизации, то моделируются как субъекты, объекты либо пространства, что порождает субъектные, объектные и пространственные модели. На периферии метафорического осмысления по отношению к сфере «Человек» оказываются модели, в которых значимым является моделирование объекта по типу источника: животное, растение, артефакт. В концептуальных сферах «Мир природы» и «Мир вещей» преобладают метафоры, отражающие конкретные понятия, эти метафоры определяют характер объекта, моделируя его в соответствии с типом источника: как объект той же понятийной сферы либо как объект иных сфер.

Метафорическая модель может проецироваться на различные участки одной или нескольких понятийных сфер. Например, модели «Появление/распространение – это начало перемещения в пространстве», «Появление/наступление – это приближение к объекту» и «Исчезновение/завершение/прекращение – это удаление от объекта» реализуется в метафорах понятийной сферы «Человек», интерпретирующих экзистенциальные абстрактные сущности (жизнь, смерть, время, болезнь), интеллектуальные процессы, межличностные отношения, поведение, и в метафорах понятийной сферы «Мир природы», интерпретирующих растительные организмы, объекты неживой природы.

В *заключении* обобщаются итоги исследования метафорического фрагмента диалектной языковой картины мира русских говоров Амурской области.

1. Мир, отраженный в «зеркале метафоры», в значительной степени антропоморфен (около 72 % общего количества зафиксированных метафор имеют в качестве источника объекты сферы «Человек»). Диалектная метафора обусловлена практическим и чувственным опытом человека, что является отражением общих закономерностей метафорообразования. Физическая активность человека выступает основанием для метафорического моделирования психических процессов и состояний, интеллектуальных процессов, физических действий, физиологических состояний, экзистенциальных представлений человека; для интерпретации вегетативного цикла и функционального назначения растительных организмов, для интерпретации проявлений объектов неживой природы и природных явлений, интерпретации функциональных свойств инструментов, приспособлений, снастей, механизмов. Физиологические особенности человека, его поведенческая характеристика, отраженные в метафорических существительных и прилагательных, выступают в качестве источника метафорической интерпретации растений и их частей, отличительных внешних признаков продуктов питания, инструментов, приспособлений, построек.

3. Ценностный фрагмент диалектной языковой картины мира выявляется на основании анализа метафорических моделей. В понятийной сфере «Человек» наличие и характер оценки зависит от наличия/отсутствия отклонений от нормы: не фиксирующая отклонений от нормы метафора обычно не содержит оценки. Среди метафор, относящихся к абстрактным сущностям, безоценочные встречаются чаще, чем среди метафор, называющих действия и проявления человека. Наличие отклонений от нормы определяет присутствие рациональной или амбивалентной оценки в метафоре. При интерпретации человека как животного/птицы метафора в большинстве случаев отражает негативную характеристику.

В понятийных сферах «Мир природы» и «Мир вещей» количество номинативных метафор значительно превышает количество оценочных. Оценку содержат метафорические единицы, которые называют изменение состояния предмета или его функционирование и сферой-источником которых выступает понятийная сфера «Человек».

В ценностном фрагменте метафорической диалектной картины мира выделяются некоторые базисные оппозиции, проявляющиеся прежде всего в метафорах, относящихся к понятийной сфере «Человек» как сфере наиболее наполненной различными оценками. Положительную оценку получает то, что метафорически интерпретировано как стоящее, занимающее вертикальное положение, отрицательно оценивается то, что интерпретировано как перевернутое или упавшее. Положительно оценивается целое, отрицательную оценку получает разделенное, раздробленное, лишенное целостности.

4. Одной из значимых особенностей восприятия мира диалектоносителями является идея неконтролируемости жизни,

получающая регулярное отражение в метафорах диалектного дискурса. Данная идея метафорически выражается через интерпретацию жизненных событий, жизненных этапов, времени, эмоциональных состояний, проявлений болезни как активных субъектов, действия которых неподконтрольны человеку.

Приложение представляет собой фрагмент словаря диалектных метафор.

Основное содержание диссертации отражено в 7 публикациях:

1. Галимова Д.Н. Человек в диалектной метафорической картине мира // Вестник Томского государственного университета. Томск: Изд-во ТГУ, 2008. № 316. С. 11-14.

2. Галимова Д.Н. Метафорическая картина мира русских говоров Приамурья // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2. Речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А.Оглезневой, Н.Г.Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 30-35.

3. Метафоры человеческой жизни в диалектном дискурсе // Актуальные проблемы русистики. Вып. 3: Языковые аспекты регионального существования человека: Материалы Международной научной конференции, посвященной юбилею академика МАН ВШ, доктора филологических наук, профессора О.И. Блиновой / Отв. ред. – доктор филол. наук Т.А. Демешкина. Томск: Томский государственный университет, 2006. С. 216-219.

4. Галимова Д.Н. Диалектные глагольные метафоры, репрезентирующие сферу «Человек» // Вестник Томского государственного университета: Бюллетень оперативной научной информации «Русский язык: системный и функциональный аспекты». 2006. № 111. С.26-30.

5. Галимова Д.Н. Понятийные сферы «Артефакты» и «Натурфакты» в русских говорах Приамурья (на примере метафорических имен существительных) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, 21-2 апреля 2006 г. Томск, 2007. Вып. 7, ч. 1: Лингвистика. С. 21-26.

6. Галимова Д.Н. Словарь диалектных метафор и сравнений: опыт составления // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 7. Речевой портрет семьи. Речевые жанры. Лингвогеография. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2009. С. 161 – 180.

7. Галимова Д.Н. Человек среди людей (метафорическое представление сферы межличностных отношений в диалектном дискурсе) // Традиции и инновации в лингвистике и лингвистическом образовании: Материалы международной научно-практической конференции, 23 – 24 октября 2009 г. Томск, 2010. С. 133 – 136.